

Д. А. БУДЮКИН

МОНАШЕСТВО И МОНАСТЫРИ В «ПОВЕСТИ О РОЖДЕНИИ МОЕМ...» КНЯЗЯ И. М. ДОЛГОРУКОВА

В статье анализируются представления представителя знатной аристократической фамилии литератора князя И.М. Долгорукова (1764–1823) о монашестве и монастырях, в том числе в связи с их традиционной ролью в поддержании социального статуса и родовой коммеморации аристократии, выраженные в его воспоминаниях «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни...».

Ключевые слова: князь И.М. Долгоруков, монашество, монастыри, коммеморация, Россия, дворянство, аристократия.

Монастыри традиционно играют важную роль в поддержании социального статуса и коллективной памяти аристократии. Вклад в монастырь не только является актом благотворительности, но также гарантирует донатору вечные молитвы о его душе монахов, по определению компетентных в молитве и поминовении¹. При этом такая забота о спасении в традиционной социальной системе была еще и своего рода символическим капиталом, повышая престиж и социальную значимость самого вкладчика и его рода, а также транслируя память о нем будущим поколениям. Как престиж, так и трансляция памяти в сословном обществе особенно важны и значимы для дворянской элиты.

Система поминания, развивавшаяся в России в XV–XVI вв. и достигшая расцвета на рубеже XVI–XVII вв., была сложной, разработанной и социально востребованной. Она пришла в упадок в XVII в. лишь потому, что было невозможно включить еще большее число имен в регулярное зачитывание поминальных списков. Кроме того, когда практика вкладов с целью вечного поминания в синодике перестала быть привилегией элиты, она потеряла привлекательность как символ престижа. Прошло сто лет с небольшим от первых признаков упадка элитной поминальной культуры до реформ Петра Великого, когда были найдены новые формы выражения престижа, а сам правитель отвел монастырям иную роль². Среди элиты традиционная православная культура поминания не исчезла полностью, но стала играть незначительную роль в кодексе поведения. Принимать участие в ней перестало считаться важным

¹ Штайндорф. 2009. С. 4.

² Там же. С. 16.

элементом престижа, и в XVIII в. «имя вкладчика утрачивает свой средневековый сакральный смысл»³. Для изучения факторов и последствий этого процесса имеет смысл рассмотреть представления аристократа XVIII века о монастырях, монашестве и монастырском поминовении.

Князь Иван Михайлович Долгоруков (1764–1823), литератор, автор обширных мемуаров, по рождению принадлежал к высшей аристократии, традиционно заинтересованной в монастырской коммеморации. Большинство его предков и родственников похоронены в московских монастырях – Богоявленском и Донском⁴. В Донском монастыре впоследствии были похоронены он сам и его дети. Когда его жена была тяжело больна, врач «однажды не обинуясь ей сказал, чтобы она готовилась в Донской, ибо он уж не знает никаких средств к ее спасению»⁵, значит: то, что в случае смерти ее похоронят именно в Донском, само собой разумелось. Его знаменитая бабушка княгиня Наталья Борисовна была схимонахиней, а дядя князь Дмитрий Иванович – ослушником. Таким образом, монастыри должны были занимать важное место в жизни князя, и он вполне мог бы сохранить традиционные для его предков представления об аристократической *memoria* и о роли монастырей в ее поддержании.

В действительности анализ воспоминаний князя показывает совсем иную картину. Донской монастырь для него — просто родовое кладбище, очевидное и заранее известное место погребения его близких родственников, а впоследствии и его самого: «там некогда и весь род наш ожидать будет страшного суда»⁶. Никаких представлений о том, что погребение в монастыре и поминовение усопшего монахами увеличивают шансы на спасение души, в его мемуарах не прослеживается. Более того, будучи религиозным человеком⁷, он вообще относится к монашеству негативно. Рассказывая о Саровской пустыни, он пишет: «а четки ни в каких <руках> ни на что не нужны», и далее подробно раскрывает свое отношение к монашеству: «На что монастырь? На что монах? Покровительство праздности и тунеядству на счет слабоумных, кои, подавши на свечу гривну, думают закупить тем царство Божие». И, «ежели монастыри уже стали необходимы, то желательно, чтобы они все походили на Саровскую пустыню, ибо, быв в ней в разные времена, нашел, что в числе монахов многие трезвы, не все воняют и ни одного нет ханжи»⁸. Автор воспоми-

³ Сукина. 2007. С. 155.

⁴ Московский некрополь.

⁵ Долгоруков. 2004. С. 479.

⁶ Там же. С. 490.

⁷ Подробнее см.: Мельцин. 2006б.

⁸ Долгоруков. 2004. С. 314-315.

наний не понимает постригшегося в монахи дворянина: «В этой самой <Синаксарской> пустыне между монахами жил и сам был иноком г. Полтев, который, прослужа до бригадирского чина в провиантском штате, быв ближний родственник фельдмаршалу графу Чернышеву по его жене, удалился от большого света уже в немолодых годах и, наконец, в этой обители постригся. Хотел я его видеть, но его тогда не было дома или, может быть, он, одичав, от прежних знакомых своих скрывался. Многие, следуя его примеру, туда же из разных чинов приходили, но скоро скучали и выходили вон, а он один и доныне там остался»⁹.

Князь Иван Михайлович интересуется старинными монастырями как объектами историко-культурного наследия, часто посещает их «не с тем, чтоб молиться»¹⁰. При этом он нередко показывает свое раздражение по поводу богатства монастырей, обширности их владений, красоты занимаемых ими мест. «Когда мой язык выговаривает слово пустыня, то мысль с тем вместе представляет нечто пустое, пещеру, отдаленную от глаз посторонних, убежище в расселине каменной в пещере и горе необитаемой, а не собрание в прекрасном храме, сияющем фольгой и златом, нескольких тучных монахов, кои, пообедав как сибариты, поют вечерню для единого только провождения времени и во уверение изумленным зрителям, что они иногда и в церковь ходят»¹¹. «Никто так искусно не выберет под поселение свое места, как монах. Взгляните на все монастыри, вы увидите, что всякий из них поставлен при лучших угодьях своей окрестности и пользуется наипрекраснейшими видами. Чему дивиться? Они в глубокой древности владели царями, как своими причетниками, и могли наклонять волю их куда хотели, а потому все им принадлежало, на что ни простирались завистливые их взоры»¹².

Польза вкладов в монастыри и пожертвований на Церковь в целом, как для самого верующего, так и для общества, Долгорукову непонятна. «Боголюбивый человек наделал бы колоколов, окладов, утварей, которые бы никого не забавляли, и первые лишь сон отнимали своим звоном»¹³. Отрицательное отношение князя к его двоюродному деду, известному богачу графу П.Б. Шереметеву, не поделившемуся своим богатством с Долгоруковыми, полностью распространяется на масштабные жертвования его сына Николая в пользу монастырей. «Шереметев рассыпал большие подаянии в монастыри и пустыни. Лучше было бы отдать род-

⁹ Там же. С. 364.

¹⁰ Там же. С. 631.

¹¹ Там же. С. 315.

¹² Там же. С. 363-364.

¹³ Там же. С. 475.

ным своим то, что награбил дед его и отец, но святость в другом виде представлялась очам его. ...Он примирился с Богом окладами на иконы и куполами во храмах. Увидим, воспользуют ли ему сии пышные пожертвования в последний день»¹⁴. Рассуждая о постройке Н.П. Шереметевым Дмитриевского храма в Ростовском Спасо-Яковлевском монастыре, Долгоруков вспоминает о малоинтересных ему старообрядцах: «Граф Шереметев во множестве своих крестьян имеет значущее число раскольников, они ему дают большие доходы, а он строит храмы Димитрию»¹⁵. По поводу скандального мезальянса Шереметева Долгоруков не высказывает явного осуждения¹⁶, а применительно к своему шурину С.А. Безобразову, женившемуся на своей крепостной, даже пишет, «что несправедливо виним мы тех, кои поступают на такие неравные браки»¹⁷. Однако в дальнейшем его мнение по этому вопросу меняется: «Нимало не приятно видеть, что дворянин, вельможа, воин или министр могут жениться на рабах своих и возить их под титлами, приобретенными кровию и заслугами, ко двору, где они ценою разврата своего, несмотря на их невежество, снискивают право похищать место и все политические почести у женщин гораздо их благороднее и добродетельнее». Рассуждая так, он делает вывод о необходимости правительственного контроля заключаемых браков, не вспоминая при этом о Шереметеве¹⁸.

Обращает на себя внимание, что Долгоруков практически ничего не пишет о женском монашестве и женских монастырях. Это невнимание вполне вписывается в известную в гендерной теории концепцию о социальной невидимости женщин¹⁹, но непосредственные его причины требуют дальнейшего прояснения. Например, рассказывая о городе Владимире, он пишет: «В монастыре женском почивают мощи св. Авраамия и привлекают туда один раз в год большое стечение черни»²⁰. Речь идет о знаменитом Княгинине монастыре – однако Долгоруков больше не пишет о нем ничего. О Киево-Флоровском (Фроловском) монастыре, где постриглась и жила его бабушка, князь тоже только упоминает²¹.

На фоне отсутствия у И.М. Долгорукова интереса к церковной коммеморации можно отметить, что и с памятью о своем происхожде-

¹⁴ Долгоруков. 2005. С. 98.

¹⁵ Там же. С. 118.

¹⁶ Там же. С. 98.

¹⁷ Там же. С. 261.

¹⁸ Там же. С. 427-428.

¹⁹ См., напр.: Поспелова. 2006. С. 283.

²⁰ Долгоруков. 2004. С. 578.

²¹ Там же. С. 14.

нии у него не все в порядке. Ему известно, что один из его предков «был женат на дочери касимовского царя, отменно богатого человека, от которого даже в род наш поступило село Волыньское»²². Это соответствует действительности: как отмечает в примечаниях М.О. Мельцин, «прапрадед И.М.Д. кн. Юрий Яковлевич Хилков был женат вторым браком на внучке царя Касимовского. Их дочь княжна Прасковья Юрьевна в 1707 г. вышла замуж за кн. Алексея Григорьевича Долгорукова и в 1708 г. стала матерью кн. Ивана Алексеевича (деда И.М.Д.). В 1717 г. от дяди своего царевича Касимовского она получила в числе других имений село Волыньское ...Московского уезда»²³.

Однако, когда Долгоруков поехал в Касимов, обнаружилось кое-что необычное. Он пишет, что на кладбище при мечети «с особой палаткой, где хоронили царский род» «нашел я гробницу каменную с полустертою надписью, но в которой я разобрал имя той, кого искал. Это был действительно мавзолей не пышный, но огромностью заметный, той музульманки, на которой женат был предок мой князь Долгорукий. Имя ее выставлено – Султан Фатьма». Далее И.М. рассуждает: «Отчего она, быв княгиня Долгорукова, погребена в музульманском кладбище в Касимове? Ужели, идучи замуж за христианина, не отреклась магометанского служения? Как допущен знатной фамилии человек жениться на татарке?»²⁴ Дело здесь, конечно, не в том, что касимовская прапрабабка мемуариста была княгиней Хилковой, а не Долгоруковой, и что звали ее Домна Васильевна, а не Султан Фатьма (кстати, ее бабушку действительно звали Фатима-султан)²⁵, а в том, что в России конца XVII в. князь Долгоруков ни при каких обстоятельствах не мог жениться на некрещеной музульманке.

Немалый интерес представляет также отношение И.М. Долгорукова к усадьбе и усадебной жизни. Дело в том, что как усадьба, так и монастырь восходят к общему для них прообразу *hortus conclusus*, замкнутого пространства Рая-сада, соположенного с представлениями о Небесном Иерусалиме²⁶. Дополнительные коннотации усадьбы с монастырем возникают в связи с социальной замкнутостью и уединенностью усадебной жизни²⁷. В контексте этой взаимосвязи представляется впол-

²² Долгоруков. 2005. С. 114.

²³ Там же. С. 522.

²⁴ Там же. С. 115.

²⁵ См. подробнее: Мельцин. 2006а.

²⁶ Дмитриева, Куцова. 2008. С. 295. См. также: Желтикова. 2010; Настасиенко. 2006.

²⁷ Дмитриева, Куцова. 2008. С. 354.

не последовательной и закономерной доходящая до неприязни антипатия, которую князь высказывает в отношении жизни в усадьбе. Так, он пишет: «Проживши несколько дней в деревне и не вытерпя целой недели, я почувствовал сильную скуку, хотя хозяева истощили все свое старание на то, чтоб нам было с ними с одними как можно веселее, словом, мы перенесли с собой в деревню город и всю его роскошь. ... Уединение было мне противно, я чувствовал, что без людей, беседы или большого шума провести день для меня тягостно»²⁸.

Даже на склоне лет сельское уединение не стало для Долгорукова приятным: «осенью жить в деревне... не всегда в силах человеческих перенести»²⁹, при этом добавочным фактором негативного отношения к усадебной жизни становится отсутствие привычного в городе доступа к медицине, почте и большим церквям с благолепной службой³⁰.

Анализ «Повести о рождении моем...» князя И.М. Долгорукова позволяет сделать вывод о том, что ценности монастырской коммеморации не имеют для него никакого значения и, более того, традиционные для православия представления о значении монашества и монастыре в жизни общества совершенно им утрачены.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 528 с.
- Долгоруков И.М., князь. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... В 2 т. Т. 1 / изд. подг. Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. СПб.: Наука, 2004. 816 с.
- Долгоруков И.М., князь. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... В 2 т. Т. 2 / изд. подг. Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. СПб.: Наука, 2005. 728 с.
- Желтикова Г.В. Роль Православной Церкви в становлении ландшафтной архитектуры в России // Православие, образование и воспитание молодежи: Духовные основы взаимодействия: материалы V Международного форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения» (27-28 ноября 2009 г.; г. Липецк – Задонск). Липецк, 2010. С. 194-195.
- Мельцин М.О. Из опыта составления генеалогического комментария к мемуарам князя Ивана Михайловича Долгорукова // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 18. СПб., 2006а. С.26–45.
- Мельцин М.О. Религиозное воспитание кн. И.М. Долгорукова // Социально-гуманитарные науки в XXI веке: мировоззренческие основы общероссийской идеологии: сборник статей и тезисов докладов международной научно-практической конференции. Май 2006. Липецк: ЛГТУ, 2006б. С. 27-29.
- Московский некрополь / сост. В.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. В 3 т. Т. 1. СПб., 1907. XXIV+519 с.

²⁸ Долгоруков. 2004. С. 181.

²⁹ Долгоруков. 2005. С. 361.

³⁰ Там же. С. 403-404.

- Настасієнко Т.М.* “Hortus conclusus” у давньоруських монастирях: зародження та розвиток // Могилянські читання 2005 року: Зб. наук. пр.: Монастирські комплекси в контексті християнської культури. К.: Фенікс, 2006. С. 381-386.
- Поспелова О.В.* Трансформация дискурсивных рамок репрезентации женщин в советских и постсоветских СМИ (на примере СМИ г. Архангельска) // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. Материалы Международной конференции «Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют общество», Москва, 4-5 апреля 2005 г. М.: МЦГИ, 2006. С. 282-290.
- Сукина Л.Б.* Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря: антропологический ракурс источниковедческого исследования // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материалы IV Международной конференции. 29 сентября – 1 октября 2004 года. М.: Индрик, 2007. С. 148-158.
- Штайндорф Л.* Монастырские вклады и поминание в Московском государстве. Явление средних веков или раннего нового времени? URL: http://www.dhi-moskau.de/fileadmin/pdf/Veranstaltungen/2009/Vortragstext_2009-03-05_ru.pdf (дата обращения: 1 ноября 2011 г.).
- Будюкин Дмитрий Анатольевич** – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Липецкого филиала РАНХиГС; boudukin@yandex.ru